

МУРАВЬЕВ К. В. MURAVEV K. V.

Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Омской академии МВД России,
E-Mail: murki@list.ru

PhD, associate Professor, head of the Department of criminology, Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
E-Mail: murki@list.ru

БУЛАТОВ Б. Б. BULATOV B. B.

Кандидат юридических наук, Кировский районный суд г. Омска, судья

Candidate of law Kirov district court of Omsk, judge

ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ: ТРЕБУЕТСЯ ДАЛЬНЕЙШАЯ КОРРЕКТИРОВКА МЕХАНИЗМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ И СУДА

В статье анализируются правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу изменения обвинения после направления уголовного дела в судебное разбирательство. Авторы позитивно оценивают восстановление возможности корректировки обвинения на более тяжкое в суде в случаях, когда это не связано с неполнотой проведенного предварительного расследования. Вместе с тем отмечается незавершенность процесса совершенствования законодательного регулирования. Обосновывается, что позиция прокурора об изменении обвинения в сторону смягчения (ч. 8 ст. 246 УПК РФ) не может являться обязательной для суда, не влечет обязанности прекращения уголовного преследования.

Ключевые слова: обвинение, суд, прокурор, изменение обвинения, возвращение уголовного дела прокурор, пределы судебного разбирательства.

CHANGING THE CHARGE IN COURT: FURTHER ADJUSTMENT OF THE MECHANISM OF RELATIONS BETWEEN THE STATE PROSECUTION AND THE COURT IS REQUIRED

The article analyzes the legal position of the constitutional Court of the Russian Federation on the issue of changing charges after the direction of the criminal case in the trial. The authors positively assess the restoration of the possibility of adjusting the charge to a more serious one in court in cases where this is not due to the incompleteness of the preliminary investigation and inquiry. At the same time, the process of improving the legislative regulation is incomplete. It is proved that the position of the Prosecutor to change the charges in the direction of mitigation (part 8 of article 246 of the code of criminal procedure) may not be mandatory for the court, does not entail the obligation to stop criminal prosecution.

Keywords: charge, court, Prosecutor, change of charge, return of criminal case to the Prosecutor, limits of trial.

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение обвинения допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Суд может изменить

обвинение и квалифицировать действия подсудимого по другой статье уголовного закона при условии, если действия, которые вменялись подсудимому в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда, а изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту [1].

Рассматриваемые положения имеют охранительную направленность, являются важным элементом в режиме благоприятствования стороне защиты. Вместе с тем в рамках творческого судебного следствия могут быть выяснены новые фактические обстоятельства происшедшего, дана иная интерпретация имеющейся доказательственной информации, что может потребовать квалификацию содеянного, которая будет отличаться от предварительной, в том числе и в сторону ухудшения положения подсудимого.

В советский период развития законодательства при выявлении указанных выше обстоятельств мог быть применен институт дополнительного расследования (ст. ст. 232, 258 УПК РСФСР). В числе оснований для возвращения дела (ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР) различались случаи неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании (п. 1) и наличие оснований для предъявления другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении (п. 3).

Масштабная деятельность Конституционного Суда РФ на рубеже XX– XI в. предопределила корректировку норм УПК РСФСР в направлении расширения границ действия принципа состязательности сторон и умаления принципов «публичности» и «объективной истины». В результате ряда его решений существенно сокращены полномочия суда по возвращению уголовного дела прокурору. В частности, постановлением от 20 апреля 1999 г. № 7-П признаны неконституционными положения п. 1 и 3 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР, возлагающие на суд обязанность *по собственной инициативе* возвращать уголовное дело прокурору *в случае невозможности в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении* [2].

Важно учитывать, что поводом для рассмотрения дела являлся запрос Иркутского районного суда Иркутской области, в котором ставился вопрос о соответствии Основному закону страны ст. ст. 232 и 258 УПК РСФСР применительно к случаям, *когда предварительное следствие по уголовному делу проведено неполно и в содержание предъявленного подсудимому обвинения не включены указания на ряд тяжких последствий*. В п. 3 описательно-мотивировочной части анализируемого решения отмечается, что Конституции РФ (ч. 3 ст. 123, а также ст. ст. 49 и 118) не соответствуют нормы УПК РСФСР, позволяющие суду без ходатайств сторон инициировать *продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинения при полной или частичной его недоказанности, а также сомнительности*. Таким образом, вопрос о конституционности п. 3 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР самостоятельно, в отрыве от п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РСФСР, не ставился. Следовательно, Конституционным Судом РФ

признано не соответствующим Основному закону страны возвращение дела в досудебное производство при наличии оснований для изменения обвинения применительно к случаям, когда это сопряжено с необходимостью восполнения неполноты предварительного расследования.

Важно отметить, что и в Концепции судебной реформы в РФ в качестве одного из рудиментов обвинительной роли суда, требующего устранения, называлась обязанность направлять дела на доследование именно *при неполноте проведенного расследования* [3, с. 88–89].

Вместе с тем в первых редакциях ст. 237 УПК РФ основания для возвращения уголовного дела прокурору (для устранения препятствий его рассмотрения судом) были представлены лишь процессуальными нарушениями (обвинительное заключение (акт) составлен с нарушением требований УПК, копии не вручены обвиняемому и т.п.). В законе не была предусмотрена технология, позволяющая реагировать на установление в ходе судебного следствия признаков совершения более тяжкого преступления. В то же время такая необходимость может быть вызвана причинами, не связанными с неполнотой проведенного расследования. Это ситуации «ошибок» уголовно-правовой оценки содеянного органами предварительного следствия или дознания, когда ими собраны доказательства, дающие основание для обвинения лица в совершении более тяжкого преступления. Новые доказательства, влекущие изменение правовой оценки содеянного, могут появиться в суде. Например, свидетели могут изменить ранее данные показания; эксперт – дать новое заключение; после направления дела в суд может наступить смерть потерпевшего от причиненных телесных повреждений. Имеются случаи, когда подсудимый в судебном заседании признает себя виновным в совершении преступлений в большем объеме и заявляет ходатайство о вызове свидетелей, которые смогут это подтвердить. Или подсудимый, воспользовавшийся своим правом на молчание в ходе предварительного расследования, начинает изобличать в совершении преступления других лиц [4; 5]. Эти и другие ситуации требуют изменения квалификации. Но они возникают в результате действия объективных факторов либо субъективных причин, которых не мог предвидеть следователь, дознаватель.

В случаях выявления в судебном разбирательстве верных фактических обстоятельств одни суды возвращали уголовное дело прокурору для уточнения квалификации содеянного, другие выносили решения в рамках обвинения, предъявленного органами предварительного расследования. Квалификация содеянного подсудимым приобретала характер юридической фикции, поскольку оправдание лица в таких случаях приводило к невозможности в дальнейшем привлечь его к уголовной ответственности по этому же факту (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ).

Постановлением от 8 декабря 2003 г. № 18-П Конституционный Суд РФ признал не противоречащей Основному закону страны ч. 1 ст. 237 УПК РФ, содержащую положения, которые не исключают правомочие суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, неустраняемые в судебном производстве, *если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия* [6]. Фактически

орган конституционного контроля не исключил возможность возвращения дела в досудебное производство для усиления обвинения.

Позднее он признал не соответствующими Конституции РФ положения п. 2 ч. 2 и ч. 3 ст. 413 и ст. 418 во взаимосвязи со ст. 237 УПК РФ в той части, в какой они позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления [7].

Наконец, в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П орган конституционного контроля прямо обозначил свою позицию: *возвращение уголовного дела для усиления обвинения законно*. В пункте 3.1 данного решения отмечается, что направление дела прокурору для применения закона о более тяжком преступлении является «особым порядком движения уголовного дела, не тождественным его возвращению для производства дополнительного расследования» [8].

В своем решении орган конституционного контроля обратил внимание на недопустимость умаления независимости и самостоятельности судебной власти и определил, что законодателем должны быть устранены препятствия для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. При этом состязательности отведено место, которое она и должна занимать, т.е. служить формой оптимальной организации содержания уголовно-процессуальной деятельности в судебных стадиях [9, с. 8]. Постановление Конституционного Суда РФ является вполне логичным, поскольку состязательность предполагает не только наличие равноправных сторон, но и присутствие независимого и беспристрастного суда над ними, который не может быть пассивным, связанным позицией той или иной стороны, не имея возможности принять самостоятельное решение [10]. При таком порядке судопроизводства гарантируются реализация прав участников процесса и вынесение правосудного решения. На суд не допускается возложение не свойственной ему функции обвинения, однако это не исключает его обязанность исправить допущенные органами уголовного преследования нарушения и ошибки, которые могут затрагивать интересы как обвиняемых, так и потерпевших. Если суд обнаружил неправильную, на его взгляд, правовую оценку деяния и при этом не преследует цель инициировать дополнительное собирание доказательств, то он возвращает дело прокурору на законных основаниях. Таким образом, восстановления института дополнительного расследования не произошло. Недоказанность обвинения не является основанием для направления дела в досудебное производство.

Более того, после появления постановления № 16-П произошло упорядочение компетенции суда. Ему разрешено вернуть дело для усиления обвинения в строго очерченных ситуациях, за рамками которых такое возвращение исключается. Свобода действий органов расследования в части собирания и оценки доказательств также становится ограниченной в части квалификации преступления усмотрением суда. Поэтому в данном решении Конституционного Суда РФ надо видеть значительное ограничение неконтролируемых случаев, когда возвращение дела прокурору приводило к фактическому усилению обвинения [11, с. 51].

Законодатель отреагировал на правовую позицию органа конституционного контроля и внес положение (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), в соответствии с которым суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает дело прокурору для устранения его препятствий для рассмотрения судом в случае, если фактические

обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении (или ином итоговом документе предварительного расследования), свидетельствуют о наличии оснований для квалификации содеянного преследуемым лицом как более тяжкого деяния либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для его квалификации как более тяжкого деяния [12].

Отметим, что у разработчиков закона, направленного на реализацию постановления № 16-П, была возможность предусмотреть и другой, более эффективный и рациональный способ приведения обвинения в соответствие с фактическими обстоятельствами деяния для целей правильного применения уголовного закона. Общеизвестным принципам и международным нормам, практике Европейского Суда по правам человека вполне соответствовала бы корректировка ч. 2 ст. 252 УПК РФ и введение процедуры изменения пределов судебного разбирательства в сторону ухудшения.

Один из авторов настоящей статьи неоднократно обосновывал, что более оптимальной может стать следующая нормативная модель: в случаях, когда суд приходит к выводу о том, что имеющиеся в деле доказательства требуют юридической оценки деяния по другой статье УК РФ (в том числе предусматривающей более тяжкое преступление), он по окончании прений сторон принимает решение о применении должной нормы уголовного закона, оформляет его соответствующим постановлением (определением), уведомляет участников процесса о том, каким пунктом, частью, статьей УК РФ квалифицировано деяние. После этого судебное заседание откладывается на срок, достаточный для подготовки подсудимого к последнему слову. Такое регулирование обеспечивало бы подсудимому право знать, какую юридическую оценку судья дает деянию, являющемуся предметом обвинения, и предоставляло бы возможность подготовиться к последнему слову, в рамках которого сообщить о новых обстоятельствах, имеющих значение для дела, заявить ходатайства об исследовании дополнительных доказательств и т.п. [13; 14].

К сожалению, для приведения УПК РФ в соответствие с Конституцией РФ законодатель выбрал консервативный способ, предусмотрел возвращение уголовного дела прокурору – более длительный и затратный путь корректирования формулы и формулировки обвинения к установленным фактическим обстоятельствам. Однако главным здесь является то, что восстановлена правовая процедура, при которой не допускается умаление независимости и самостоятельности судебной власти, устраняются препятствия для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

Вместе с тем возвышение внутреннего убеждения судьи как органа правосудия *требует дальнейшей корректировки механизма взаимоотношений государственного обвинения и суда* [15]. Формулировка «в том числе», использованная в п. 1 резолютивной части постановления № 16-П, свидетельствует о том, что Конституционный Суд РФ критически оценил и иные помимо ч. 1 ст. 237 и ст. 252 положения УПК РФ, образующие единую систему правового регулирования. Полагаем, что «комплексному лечению» подлежат также положения ч. 7 и 8 ст. 246 и п. 2 ст. 254 УПК РФ как не представляющие суду возможность быть независимым от воли органа, осуществляющего уголовное преследование, в части оценки фактических обстоятельств деяния.

В соответствии с чч. 5, 7 и 8 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель излагает в судебном разбирательстве свое мнение по существу обвинения, высказывает суду предложения о применении уголовного закона, а при наличии условий вправе отказаться от него (полностью или частично), изменить обвинение в сторону смягчения. Как показывает анализ судебной практики, несмотря на принятые в досудебном производстве меры по обеспечению доказанности обвинения, поддержание государственного обвинения не всегда проходит гладко. Не исключается выявление обстоятельств, свидетельствующих о невиновности обвиняемого, отсутствии оснований для привлечения его к уголовной ответственности или ставящих доказанность обвинения под сомнение. В подобной ситуации обвинитель не имеет ни юридического, ни морального права настаивать на осуждении обвиняемого и должен от поддержания обвинения полностью или в его части отказаться. При установлении же в судебном заседании фактов несоответствия уголовно-правовой квалификации действий обвиняемого действительности он обязан взять на себя инициативу в изменении обвинения в сторону смягчения [16, с. 39].

Позиция прокурора по вопросу юридической оценки содеянного является для суда обязательной – отказ от обвинения влечет прекращение уголовного дела или преследования (п. 2 ст. 254 УПК РФ). И хотя полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты [6, п. 7], это не снимает основного противоречия. *Суд вынужден осуществлять квалификацию содеянного, руководствуясь не собственным убеждением, а мнением обвинителя* – стороны, которая преследует собственный процессуальный интерес. Это правило, на наш взгляд, не соответствует принципу независимости судей, их подчинения только закону (ст. 18, ч. 1 ст. 120 Конституции РФ). Безусловное следование инициативе стороны означает недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиций сторон [8, п. 3].

Судебная практика иллюстрирует неоднозначные подходы применения уголовного закона в ситуациях, когда позиция суда и государственного обвинителя по вопросу о квалификации содеянного расходится. Например, в одном из обзоров обращается внимание на то, что позиция прокурора, выраженная им в прениях, относительно смягчения путем перекалфикации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание, должна предопределять принятие судом соответствующего решения. Предметом рассмотрения в обзоре стал приговор суда по делу Н., который обвинялся в совершении ряда преступлений, в том числе по факту совершения преступления, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. В ходе прений сторон прокурор предложил квалифицировать его действия по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ. Однако суд отказался изменить уголовно-правовую оценку, вышестоящие суды оставили данный приговор в силе. Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор в отношении Н. в соответствии с позицией стороны обвинения [17].

Вопрос о конституционности чч. 7 и 8 ст. 246 и п. 2 ст. 254 УПК РФ неоднократно ставился перед органом конституционного контроля. Так, после

принятия постановления № 16-П Курганским областным судом направлялись запросы для установления, позволяют ли указанные нормы УПК РФ применять органу правосудия уголовный закон в соответствии с внутренним убеждением, независимо от позиции государственного обвинителя. В одном случае суд не согласился с мнением прокурора, изменившего обвинение (пп. «д» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) в сторону смягчения путем исключения из него квалифицирующих признаков преступления и переквалификации совершенного деяния на ч. 1 ст. 105 УК РФ [18]. В другом – посчитал неверной позицию обвинителя о необходимости изменения квалификации совершенного подсудимым преступления с п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ [19]. Применительно к обоим запросам Конституционный Суд РФ фактически уклонился от разрешения проблемы, указав, что вопросы, затронутые Курганским областным судом, получали разрешение в его прежних решениях, сохраняющих свою силу.

Вместе с тем ещё постановлением Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П положение ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР, закрепляющее обязанность суда продолжить разбирательство и разрешить вопрос о виновности или невиновности подсудимого в случае отказа прокурора от обвинения, признано не соответствующим Конституции РФ как допускающее осуществление не свойственной для суда обязанности по обоснованию предъявленного органами расследования обвинения. Поводом для рассмотрения дела в том случае служил запрос Советского районного суда г. Нижний Новгород. В нем указывалось, что в ходе рассмотрения судом уголовного дела государственный обвинитель полностью отказался от поддержания обвинения и ходатайствовал в связи с этим о возвращении дела для дополнительного расследования. В соответствии с правовой позицией, изложенной в данном решении, суд вправе устанавливать виновность лица лишь при условии, если доказывают её органы и лица, осуществляющие уголовное преследование [2, п. 3].

Правовая позиция Конституционного Суда РФ была воспринята законодателем и закреплена в ст. ст. 246 и 254 УПК РФ.

В постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П положения ч. 7 и 8 ст. 246 и п. 2 ст. 254 УПК РФ признаны не противоречащими Конституции РФ, поскольку по их конституционно-правовому смыслу в системе норм предполагается, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, и что законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде [6, п. 7].

В резолютивной части приведенного решения акценты смещаются на условия законности и обоснованности отказа от обвинения. Однако такой отказ влечет обязанность суда прекратить дело в судебном заседании (п. 2 ст. 254 УПК РФ). Поэтому следует обратить внимание на иной аспект: Конституционный Суд РФ распространил своё решение и на ситуации, изложенные в ч. 7 ст. 246 УПК, и на ч. 8 данной нормы. Для правильного же толкования резолютивной части постановления необходимо вновь обратиться к описательно-мотивировочной части

решения и отметить те обстоятельства уголовного дела, которые потребовали от Курганского областного суда обратиться в орган конституционного контроля: при рассмотрении дела по обвинению двух подсудимых в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 162 и пп. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, государственный обвинитель отказался от обвинения в части, касающейся разбоя. С учетом позиции прокурора суд, несмотря на сделанный им вывод о доказанности совершения подсудимыми обоих преступлений, и на требование участвовавшего в судебном заседании по делу представителя потерпевшего признать их виновными как в вымогательстве, так и в разбое, тем не менее применил только пп. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ.

Таким образом, анализ описательно-мотивировочных частей решений Конституционного Суда РФ, касающихся вопроса об обязанности суда прекратить в судебном заседании уголовное дело в случаях отказа прокурора от обвинения, позволяет заключить следующее: информационную основу для формирования позиции органа конституционного контроля составляли те рассматриваемые в судах общей юрисдикции дела, по которым государственный обвинитель отказывался от обвинения полностью или в части самостоятельных фактов (эпизодов) преступлений, вменяемых подсудимым. Изменение прокурором до удаления суда в совещательную комнату обвинения в сторону смягчения (исключение из юридической оценки содеянного признаков преступления, отягчающих наказание; исключение из обвинения ссылки на норму УК РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой УК РФ; переквалификация деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание – ч. 8 ст. 246 УПК РФ) не может рассматриваться в качестве императива для прекращения дела в судебном заседании. Такие последствия возможны лишь применительно к случаям, указанным в ч. 7 ст. 246 УПК РФ, что соответствует и п. 2 ст. 254 УПК РФ.

Акцентируем внимание и на том, что отказ прокурора от обвинения возможен только по окончании исследования всех значимых по делу доказательств. После этого суд дает оценку представленным доказательствам и мотивам принятого прокурором решения. И если суд приходит к выводам, не согласующимся с позицией стороны обвинения относительно квалификации деяния по конкретным вынесенным на судебное рассмотрение эпизодам (фактам) преступления, он вправе принимать независимое итоговое решение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 апр. 1996 г. № 1 (ред. от 16 апр. 2013 г.) // Бюл. Верховного суда РФ. 1996. № 7 (п. 9).

2. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: постановление Конституционного Суда РФ от 20 апр. 1999 г. 7-П // СПС «КонсультантПлюс».

3. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М., 1992. 110 с.

4. Маркина Е.А., Баева Т.Н. Возвращение судом уголовного дела прокурору: возможно ли расширить объем обвинения, изменить его на более тяжкое? // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 35–38.

5. Рябина Т.К. Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // Рос. следователь. 2013. № 24. С. 6–10.

6. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 8 дек. 2003 г. № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».

7. По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413, 418 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // СПС «КонсультантПлюс».

8. По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // СПС «КонсультантПлюс».

9. Барабаш А.С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 26 с.

10. Хитрова О.В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования? // Рос. следователь. 2013. № 21. С. 13–16.

11. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Каким может быть порядок возвращения дела прокурору для усиления обвинения // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 50–53.

12. О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 № 269-ФЗ // Рос. газ. 2014. 25 июля.

13. Муравьев К.В. Суд как орган, исправляющий ошибки применения уголовного закона // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 50–55.

14. Муравьев К.В. Точность предварительной юридической оценки содеянного и пределы судебного разбирательства в Уставе уголовного судопроизводства и современном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 906–913.

15. Николук В.В., Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Возвращение дела прокурору для усиления обвинения стало возможным // Уголовное право. 2013. № 4. С. 84–89.

16. Шадрин В.С. Отказ от обвинения и изменение прокурором обвинения в судебном разбирательстве // Криминалист. 2016. № 1. С. 20–25.

17. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 25 нояб. 2015 г.: постановление Президиума Верховного Суда РФ № 79П14 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского областного суда о проверке конституционности ч. 7 ст. 246 и ч. 2 ст. 254 УПК РФ: определение от 14 дек. 2004 г. № 393-О // СПС «КонсультантПлюс».

19. По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности ч. 8 ст. 246 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 10 февр. 2016 г. № 226-О // СПС «КонсультантПлюс».

